

8. Воронкова В. Г. Гражданское общество как парадигма, концепт и конструкт социально-философского дискурса // «Philosophy and cosmology». – Kyiv: ISPC, 2015 (vol.15). – С.198–215.

9. Voronkova Valentina. The Formation of the Concept of Noosphere Development of Modern Society in the Conditions of Information Society // «Philosophy and Cosmology». – Kyiv: ISPC, 2016. – Vol.16. – P.179–191.

10. Bazaluk O., Blazhevich T. Cosmic Education: Formation of a Planetary and Cosmic Personality // «Philosophy and Cosmology». – Kiev: ISPC, 2013. – Vol.12. – P.147–160.

11. Bazaluk Oleg. The basic postulates of the universal evolution model «Evolving matter» // «Philosophy and Cosmology». – Kyiv: ISPC, 2015. – Vol.14. – P.11–20.

12. Bazaluk Oleg. The Theory of Evolution // «Philosophy and Cosmology». – Kyiv: ISPC, 2015. – Vol.15. – P.25–33.

References

1. Andrushhenko V. P. Organizovane suspil'noï samoorganizacii' v period radykal'nyh transformacij v Ukraïni na rubezhi stolit': Dosvid social'no-filosofskogo analizu / V. P. Andrushhenko. – K.: TOV «Atlant JuEmSi», 2005. – 498 s.

2. Vashkevych V. M. Istorychna svydomyt' suchasnoi' molodi: do metodologii' doslidzhennja / V. M. Vashkevych // Vyshha osvita Ukraïny. – 2005. – №4. – S.74–79.

3. Filosofija ljudyny jak shljah gumanizmu ta gidnosti u granychnomu butti suspil'stva: pidhid filosofskoi antropologii' ta metaantropologii': zbirnyk naukovykh prac'. Materialy Mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferencii'. 30–31 bereznja 2015 r. / Za zag. red. Hamitova N. V. – Kyiv: Vydavnytstvo NPU imeni M. P. Dragomanova, 2015. – 150 s.

4. Voronkova V. G., Nikitenko V. O. Suchasna geokul'tura jak sociokul'turnyj fenomen kul'turnoi' globalizacii' / V. G. Voronkova, V. O. Nikitenko // Gileja: naukovyj visnyk: [zb. nauk. pr.]. – K.: Vyd-vo UAN TOV «NVP» «VIR», 2013. – Vyp.72. – S.487–492.

5. Mel'nyk V. V. Kul'tura buttja ljudyny jak sociokul'turnyj fenomen / V. V. Mel'nyk // Gumanitarnyj visnyk Zaporiz'koi' derzhavnoi' inzhenernoi' akademii'. [zb. nauk. pr.]. – Zaporizhzhja: Vyd-vo ZDIA, 2015. – Vyp.60. – S.253–268.

6. Oleksenko R. I. Filosofija rynkovykh vidnosyn. Stanovlennja ta rozvytok v Ukraïni v period globalizacii' ta informacijnoi' revolucii': soc.-filos. analiz / R. I. Oleksenko. – K.: Znannja Ukraïny, 2013. – 367 s.

7. Voronkova V. G. Konceptii vzaimosvjazi cheloveka, soznanija, razuma v kontekste virtual'no-informacionnogo prostranstva / V. G. Voronkova // «Philosophy and cosmology». – Kyiv: ISPC, 2014 (vol.14). – S.170–182.

8. Voronkova V. G. Grazhdanskoe obshhestvo kak paradigma, koncept i konstrukt social'no-filosofskogo diskursa // «Philosophy and cosmology». – Kyiv: ISPC, 2015 (vol.15). – S.198–215.

9. Voronkova Valentina. The Formation of the Concept of Noosphere Development of Modern Society in the Conditions of Information Society // «Philosophy and Cosmology». – Kyiv: ISPC, 2016. – Vol.16. – P.179–191.

10. Bazaluk O., Blazhevich T. Cosmic Education: Formation of a Planetary and Cosmic Personality // «Philosophy and Cosmology». – Kiev: ISPC, 2013. – Vol.12. – P.147–160.

11. Bazaluk Oleg. The basic postulates of the universal evolution model «Evolving matter» // «Philosophy and Cosmology». – Kyiv: ISPC, 2015. – Vol.14. – P.11–20.

12. Bazaluk Oleg. The Theory of Evolution // «Philosophy and Cosmology». – Kyiv: ISPC, 2015. – Vol.15. – P.25–33.

Melnik V. V., Candidate of Philosophical Sciences (PhD), associate professor of philosophy department in management information and analytical activities and European Integration of the Institute of Management and Economics of Education, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), doc.v.melnik@mail.ru

The problem of interaction between the individual and society in a globalized society

In the article the analysis of the theory-methodological bases of interference and interaction of the person and globalized society is given; logic of human civilization unwrapping and world outlook reference points of the person during an epoch of globalization is examined; essence of globalization processes and occurrence new globalized society; preconditions and factors of becoming globalized society; problems connected to this interaction and interference; occurrence of new type of on-line attitudes in a context of network society formation analyzed.

Keywords: person, globalized society, fundamental factors of globalization, information interaction, on-line attitudes, on-line community, nonlinear society character, network society.

Мельник В. В., кандидат философских наук, доцент кафедры управления, информационно-аналитической деятельности и евроинтеграции, Институт управления и экономики образования Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев), doc.v.melnik@mail.ru

Проблема взаимодействия человека и общества в глобализированном социуме

Дается анализ теоретико-методологических оснований взаимодействия и взаимодействия личности и глобализированного социума; логика разворачивания человеческой цивилизации и мировоззренческих ориентиров личности в эпоху глобализации; сущность процессов глобализации и появление нового глобализированного социума; предпосылки и факторы становления глобализированного социума; проблемы, связанные с этим взаимодействием и взаимовлиянием; появление нового типа онлайн-отношений в контексте формирования сетевого общества.

Ключевые слова: человек, глобализированный социум, основные факторы глобализации, информационное взаимодействие, онлайн-отношения, онлайн-общество, нелинейный характер общества, сетевое общество.

***

УДК 101.1::316.3–05:62

Муратова И. А.,
кандидат философских наук, доцент, докторант
кафедры философии, Национальный технический
университет Украины «Киевский политехнический
институт» (Украина, Киев), i.muratova@kpi.ua

УПРАВЛЕНИЕ – ТВОРЧЕСТВО – ТЕХНОЛОГИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ЭКСПЛИКАЦИЯ

Интенсификация и ускорение социальных трансформаций под действием hi-tech требуют сознательного, гуманистического, научно обоснованного управления инновационным развитием в поисках новых стратегий цивилизационного процесса, а значит, и соответствующих исследований и разработок методами социальной философии. Но философское осознание всеобщего содержания понятия «технология» ещё далеко от научно-теоретического. Исследование технологии в отношении к творчеству в процессе управления деятельностью в истории саморазвития субъекта позволяет разработать всеобщее понятие технологии, которое как раз призвано обеспечить интеллектуальные условия для обретения свободы в обстоятельствах тотальной технологической обусловленности. Когда техническая сторона деятельности сама становится предметом управления, а, следовательно, кроме объективной детерминации, получает также и субъективную, она становится научно организуемым, последовательно и осознанно совершаемым процессом – технологией.

Ключевые слова: социальная философия, наука, технология, управление, творчество, субъект, объект.

(статья друкється мовою оригіналу)

Проблема связана с тем, что по меткому замечанию американского ученого и популяризатора науки Карла Сагана, «мы живем в обществе, которое полностью зависит от науки и технологии, и в котором мало кто знает хоть что-нибудь о науке и технологии» [1, с. 52]. Термин «технология» популярен и широко употребляется в большом диапазоне значений от «технологий здорового сна» до «высоких технологий» инновационного развития, и в то же время категориальное осознание всеобщего содержания этого понятия далеко от научно-теоретического. Изучение технологии ведется в отдельных специальных областях, раскрывающих специфику производственных технологий (химической, зерновой, металлов и т.п.), военных, космических, транспортных, информационных, социальных и др., а общим понятием «технология» обозначается их простая совокупность как средств, процессов, идей, а также деятельности, в которой с помощью инструментов и техники достигается необходимый результат, создается некоторый продукт. Налицо проблема: всеобщее понятие технологии, которое как раз призвано обеспечить интеллектуальные условия

для овладения и управления научно–техническим прогрессом, остается недостаточно разработанным в социальной философии.

Большинство философов изучают сегодня науку и технологию в прагматическом ключе – с точки зрения их внедрения и последствий применения, но мало кто раскрывает собственно их социокультурную природу и движущие силы развития. Чаще всего встречается исследовательская позиция, подобная этой: «Изменяющееся под воздействием технологий общество способно эффективно использовать существующие технологии как для дальнейшего научного, технического и технологического прогресса, так и для резкого повышения качества жизни, которое, в свою очередь, делает экономически оправданной разработку и внедрение новых технологий» [2, с. 41]. Существующие технологии берутся как некая данность, нечто само собой разумеющееся: вопрос о том, что есть технология в общетеоретическом плане не решается. Между тем без ответа на этот вопрос именно на уровне философского обобщения и без сознательного принятия его как руководства к действию технологический прогресс остается стихийным, неуправляемым и катастрофичным по своим социальным последствиям. Интенсификация и ускорение социальных трансформаций под действием hi-tech требуют сознательного, социально–гуманистического, научно обоснованного управления инновационным развитием в поисках новых стратегий цивилизационного процесса, а значит, и соответствующих научных исследований и разработок.

Социально–антропологические аспекты развития науки, техники и технологии в последнее время стали предметом изучения зарубежных и отечественных представителей философии техники преимущественно в контексте осознания угроз и последствий наступления техносферы на человека и общество, преодоления традиционных сциентистских и гносеологических подходов в поиске выхода из кризисных ситуаций и оптимистических траекторий цивилизационных изменений под влиянием научно–технического прогресса (А. М. Аматы, Р. К. Баландин, В. С. Кузнецова, В. С. Степин и др.).

Ценностные, морально–этические аспекты гуманизации техники в противовес новому технократизму исследуют Х. Ленк, А. В. Миронов, Т. И. Радзиняк, О. М. Сичивица, О. Ю. Чурсинова, В. И. Шубин, В. А. Щуров, М. Н. Эпштейн и др.

Философско–мировоззренческий срез исследований представлен в работах И. Ю. Алексеевой, В. П. Мельника, С. С. Неретиной, В. М. Розина, Э. П. Семенюка, Н. Ф. Тарасенко и др., раскрывающих методологический смысл концепций и понятий техники и технологии в их социокультурной обусловленности, а также доказывающих, что дело не в техносфере самой по себе, а том типе социальности, в котором она функционирует. Такие исследования подводят к выводу, что «хотя в нашей техногенной цивилизации техника играет колоссальную роль, сложившийся тип социальности больше не может нас удовлетворять, а убеждение, что основные социальные проблемы можно решать на основе техники, все больше становится деструктивным моментом» [3, с. 156].

В данной статье продолжено социально–философское исследование отношения человек–технология, проведен-

ное В. Н. Князевым [4], с опорой на идеи Ф. Т. Михайлова [5] о способах саморазвития и самопознания человека. Цель статьи – дать социально–философскую трактовку технологии в её отношении к творчеству в деятельности управления социальной практикой и саморазвитии субъекта в истории общества.

Самопознание, исследование людьми самих себя как индивидов возможно лишь в изучении их в качестве субъектов целесообразной деятельности, которые сами же ее развивают, – а значит, осознают, поскольку совершенствуют её формы, способы и средства в исторической поступательности, и как субъектов – всегда «не равных себе», выделяющих себя из своей деятельности и её условий, к себе относящихся, изменяющихся и выходящих за свои «пределы» (за любые свои частные определения). Как субъект человек выделяет себя из своей собственной жизнедеятельности, способен к себе *относиться* – быть предметом своего внимания, контроля и воли. Только поэтому и к миру он относится как к *внешнему* – существующему *отдельно* от него и ему противостоящему. Для животного его отношение к другим не существует как отношение. Для человека отношение существует везде, где есть хоть какое–нибудь отношение. Любое жизненное действие человека становится для него предметом отношения, соотносится им с некоторой общественной мерой, соизмеряется с ней и при необходимости корректируется. Меры эти изменяются и различаются как исторически, так и культурно–этнически. Именно поэтому жизненный акт индивида только тогда может быть назван человеческим, когда он *произволен*. То есть когда этот акт предстает перед субъектом и становится предметом отношения, требуя свободы воли для своего осуществления.

Таким образом, исходное основание человеческой жизнедеятельности – такой её способ, которому присуще *рефлексивное отношение* к своему осуществлению. В истории общества разворачивается и дифференцируется многообразие особых форм этого исходного основания. Эта рефлексивность заключена в исходном противоречии всякого общественного труда, человеческой деятельности вообще. Абстрактно–всеобщим выражением этой противоречивости служит противоположность: с одной стороны, целесообразность и субъективность деятельности, с другой – ее предметность и объективность. В качестве субъективного процесса человеческая деятельность в своей предметности есть, с одной стороны, объективно осуществляемый процесс, или объективное самоосуществление субъекта, его объективация, а с другой – субъективно направленный процесс, имеющий источником и конечной целью самого субъекта, его саморазвитие.

Человек не теряет себя в своей деятельности, остается в ней как самосохраняющееся начало и творческий импульс, центр активности. Сама субъективность является способностью человека делать предметом деятельности саму деятельность. В совместной деятельности людей и обмене конкретными ее видами, а также результатами, способами, целями, человек удваивается на «я» и «род», приобретает способность взглянуть на себя и свою деятельность «со стороны», с позиции общего, т.е. прежде всего со стороны общества, «включить» между индивидуальной потребностью и ее предметом общественную потребность. Последняя и

становится непосредственной всеобщей субъективной (общественной) основой действительного социально-исторического развития различных форм человеческого общения и способов его опосредствования, в том числе орудийности вообще, техники и технологии.

Произвольность и рефлексивность деятельности, таким образом, обнаруживают свою зависимость от опосредствования. Любое действие индивида, общественно опосредствованное предметным образом, выделяется им и переходит в план его *представления*, предстает *перед* ним, то есть в дальнейшем идеально опосредствуется, а вся деятельность в целом с необходимостью оказывается *пред*-стоящей, предполагаемой, планируемой – *произвольной*. В этом заключается возможность управления. Через относительное обособление деятельности управления и предмет, и вполне предметные средства деятельности, и способности самих её субъектов подвергаются активному формированию, последовательно выстраиваются. Не объект переработки, а *способ, прием*, закрепленные в навыках труда и общения, – вот что подлежит преобразованию в процессе деятельности управления. В управлении субъект доминирует над объектом, в том числе над собственной деятельностью как предметом управления и средством самоосуществления.

Управление вообще есть процесс целенаправленного, регулируемого и контролируемого, то есть сознательно организуемого, произвольного воздействия на объект для получения определенного эффекта по объективным параметрам. Когда объектом выступает сама деятельность, то происходит раздвоение цели управления: на собственно субъективную цель – творчески смысловую, и техническую – объективную в смысле обеспечения целереализации. В первой удерживается конечная цель, смысл всей деятельности, развернутый в иерархию целей. Вторая – направлена на изыскание оптимальных способов и средств объективного осуществления намеченных целей, непосредственно – на упорядочивание и организацию деятельности (как исполнения, так и управления).

Таким образом, превращение самой деятельности в предмет деятельности и далее – в предмет управления раскрывает новые ракурсы изучения и трактовки технологии, и вместе с тем – творчества и субъективности через произвольность. В целенаправленном *управлении* трудом и всеми социальными практическими действиями людей *предметом* деятельности становятся способы отношения человека к предметам материального преобразования – способы их практического полагания и осознания, а вместе с тем – и способы построения социальных отношений и связей.

Когда определенными представителями общественной воли намечаются цели деятельности людей, отыскиваются средства для её организации и управления ею, то они имеют дело с *образом человеческого действия* как с особым предметом деятельности. Образ человеческого действия и есть технология, если поставить акцент на *образе действия*, и в то же время он есть творчество, если поставить под ударение *человеческий образ действия* (по-человечески).

Деятельность по изменению и организации образа/способа действия, по планированию его приёмов и полаганию возможных результатов этого действия и средств достижения цели имеет своим предметом не просто

вещную форму – она интегрирует в себе *образ действия* со всеми обрабатываемыми предметами, тот или иной прием их выделения, обозначения, меры, целесообразного использования. Предметом здесь является не та или иная субъективная способность человека, и не та или иная объективная «способность» веществ и процессов природы приводить к намеченному результату, взятые сами по себе, а *способы необходимого отношения человека к природе* как к самому себе и другому человеку. Природное теряет здесь свою досубъективную, докультурную естественность и становится общественным, очеловеченным, культурным – объективированным субъектом и субъективированным объектом.

Этими двумя ипостасями своего проявления образ действия как предмет деятельности определяет и технологию и творчество. Объективные определения предметности предстают здесь субъективно, а субъективное принимает в конце концов теоретическую, сознательную и свободную форму.

Техническое нередко представляется упрощенно – через дихотомию «творческое – нетворческое». Непродуктивность такого дихотомического деления обнаруживается уже в том, что из состава творческого как социально значимого и лично актуального содержания полностью исключается техническое, выражающее представленное внутри деятельности предметное единство различий субъективного и объективного. То, что техническое попадает в разряд нетворческого, не только теоретически, но и практически неприемлемо. Достаточно сказать, что даже самые творческие профессии художника или музыканта во многом состоят из технического творчества не только в новаторских замыслах, но и в их воплощении. Неизбежен вопрос: что это за творчество, если оно не соотносится с объективными детерминантами деятельности? Либо ещё, либо уже не творчество, т.к. творится произвол.

По своей внутренней организации человеческая деятельность является взаимопроникновением творческого и технического. Разрыв этого единства приводит к крайностям произвола и механической / машинальной деятельности. Это суть имманентные границы осуществления деятельности, выхода за которые нормально избегать. Творческое выражает внутренний момент инновации, а техническое – момент её внешности, необходимости в ней, образуя как бы субстрат, каркас, объективно-предметную сторону творчества. Произведение свободного духа, как определил И. Кант, не должно быть лишено тела, так как во всех свободных искусствах все же требуется нечто принудительное для духа, который оживляет произведение. Этот «механический» момент, согласно И. Канту, может деформироваться, получив внешнюю форму, и стать превращенным в своем существовании в виде «механического искусства». Для этого достаточно внутреннюю цель деятельности заменить на внешнюю только для того, чтобы сообщить реальность некоторому результату. То есть лишенность субъективного начала превращает техническое в механическую деятельность, в машинерию.

В процессуальном единстве, в тождестве с творческим моментом техническое выражает совпадение объективной обусловленности человеческой деятельности и субъективной человеческой потребности в объективном способе

ее построения. Техническое включает в себя момент субъективности, творческий момент в границах полюсов механической полезности и произвола целесообразности.

При этом творческое выполняет в этом единстве центрирующую роль, а не выступает чем-то самостоятельным наряду с техническим. Всеобщая сущность человеческой деятельности заключается в творчестве именно потому, что она противоречива, будучи не только формой объективного процесса, но и субъективным способом человеческого бытия, связанным с потребностями, интересами, целями, идеалами. Творчество является «полномочным представителем» субъективности в любых формообразованиях и особенных видах деятельности. Творчество как сущность деятельности есть сама субъективность, воплощенная в человеческом содержании деятельности. Техническое при этом как бы «отвечает» за объективный и эффективный способ развития деятельности и достижения в ней задуманного результата через организацию последовательности процессов.

Делая выводы, следует подчеркнуть, что вся история человечества – не столько процесс усвоения и использования готовых образов действия и их средств, сколько история их творения – открытия новых возможностей явлений и процессов, изобретения новых средств, орудий, способов взаимодействий. Способность индивида к творению, изменению, совершенствованию средств, способов и предметов человеческой жизнедеятельности, её условий, а тем самым и к самоусовершенствованию, есть функция его совместных, разделенных с другими людьми социальных действий. Формы целесообразного деятельностного общения с другими людьми, самим индивидом превращаемые в способ его личностной жизнедеятельности, становятся «органами» его индивидуальности – потребностями, способностями, творческими силами. Органами жизни индивида становятся не только другие люди, но и технологические способы, средства и формы *со-действия* с ними в процессе жизни и деятельного общения.

В истории вместе с целеполаганием в деятельности управления и в *совершенствовании способов и средств* взаимодействия людей друг с другом и с объективными условиями их жизни в процессе целереализации осуществляется развитие творческих способностей людей – их саморазвитие. Инициативно-самостоятельное, активное преобразующее и формообразующее действие по усовершенствованию средств и способов своего обращения к другим людям – суть способа жизни человека, суть творческого бытия. Оно раскрывается в силе рефлексивного, свободного, произвольного действия, изменяющего обстоятельства и сам субъект действия согласно объективным возможностям, в соответствии с образом сотворенной цели. Если этого не происходит, то человек живет машинально, не творчески, деформировано.

Когда техническая сторона сама становится предметом специальной управленческой деятельности, а следовательно, кроме объективной детерминации, получает также и субъективную, она становится научно организуемым, последовательно и осознанно совершаемым процессом – технологией. Само техническое при этом обнаруживает наличие внутри сферы управления специализированной познавательной деятельности, связанной с производством особого, технологического

типа знаний, и практической – направленной на целереализацию, в том числе применение знаний и иных средств управленческой деятельности.

В этом плане технология и технологический тип научных знаний – это не просто «знание о технике», как оно нередко понимается в технических науках, а особая форма научно-практических знаний об эффективных методах последовательного закономерного преобразования каких-либо объектов, и прежде всего самой деятельности, ее технологии, для достижения определенных целей управления.

Таким образом, в сфере управления техническое обнаруживает себя в трех ипостасях: как объективно-предметный способ непосредственной деятельности с присущими ему средствами, орудиями; как знания об эффективных средствах реализации целей управления; как сама управленческая деятельность – техническое управление, направленное на организацию труда и производства, в том числе изменение технологии последнего. Эти три формы технического во взаимосвязи образуют технологический цикл, составляющий объективный предметный процесс и орган развития бытия субъективности, общества, социальности.

Современные философские исследования позволяют различить две основные трактовки технологии. В узком, специальном понимании – это совокупность / система правил, приемов, методов получения, обработки или переработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в промышленности. Одна из широких трактовок технологии дается в работах Нормана Вига: «новая дисциплина, базирующаяся на философии техники, возникла только в последние десятилетия. Ее базовой предпосылкой является то, что технология стала играть центральную роль для нашего существования и образа жизни, и поэтому должна исследоваться как фундаментальная человеческая характеристика» [цит. по: 6, с. 12]. Понимание технологии в широком смысле В. М. Розин связывает с тем, что «люди научились управлять развитием производства и заметили, что управляемое и контролируемое развитие производства и техники позволяет решить ряд сложных народнохозяйственных или военных проблем. Дальнейший анализ показал, что цивилизационные завоевания, достижение новых эффектов труда связаны не только с новой техникой, но также с новыми формами кооперации, организации производства или деятельности, с возможностями концентрации ресурсов, с культурой труда, с накопленным научно-техническим и культурным потенциалом, с энергией и целеустремленностью усилий общества и государства и т.д. Постепенно под технологией стали подразумевать сложную реальность, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания (то есть является механизмом новаций и развития), а по сути, представляет собой сферу целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.), существенно детерминируемых, однако, рядом социокультурных факторов. Одна из важнейших философско-методологических проблем – возможность управления технологией и обретения свободы в условиях тотальной технологической обусловленности» [6, с. 12–13]. С этим связаны перспективы дальнейших исследований данной проблематики.

Список использованных источников

1. Sagan C. Why we need to understand science // Mercury, Mar/Apr 93, Vol.22. – №2. – P.52.
2. Миронов А. В. Наука, техника и технологии: техноэтический аспект // Вестн. Моск. Ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2006. – №1. – С.26–41.
3. Оноприенко М. В. Социологический анализ концепций техники и технологии // Наука та наукознавство. – 2013. – №1. – С.155–156.
4. Князев В. Н. Человек и технология (социально-философский аспект) / Владимир Николаевич Князев. – Киев: Лыбидь, 1990. – 175 с.
5. Михайлов Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида / Ф. Т. Михайлов. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
6. Розин В. М. К различению техники и технологии // Высокие технологии и современная цивилизация: Материалы научной конференции. – М.: ИФРАН, 1999. – С.11–13.

References

1. Sagan C. Why we need to understand science // Mercury, Mar/Apr 93, Vol.22. – №2. – P.52.
2. Mironov A. V. Nauka, tekhnika i tekhnologii: tekhnioeticheskiy aspekt // Vestn. Mosk. Un-ta. – Ser. 7. Filosofiya. – 2006. – №1. – S.26–41.
3. Onopriyenko M. V. Sotsiologicheskii analiz kontseptsii tekhniki i tekhnologii // Nauka ta naukoznavstvo. – 2013. – №1. – S.155–156.
4. Knyazev V. N. Chelovek i tekhnologiya (sotsial'no-filosofskiy aspekt) / Vladimir Nikolayevich Knyazev. – Kiyev: Lybid', 1990. – 175 s.
5. Mikhaylov F. T. Obshchestvennoye soznaniye i samosoznaniye individa / F. T. Mikhaylov. – M: Nauka, 1990. – 222 s.
6. Rozin V. M. K razlicheniyu tekhniki i tekhnologii // Vysokiye tekhnologii i sovremennaya tsivilizatsiya: Materialy nauchnoy konferentsii. – M.: IFRAN, 1999. – S.11–13.

Muratova I. A., a candidate of philosophical sciences, an associate professor, a doctoral student of Department of philosophy of National technical University of Ukraine «Kyiv Polytechnic Institute» (Ukraine, Kyiv), i.muratova@kpi.ua

Management – creativity – technology: social and philosophical explication

Hi-tech progress causes intensification and acceleration of social transformations which need to be managed looking for new strategies of civilization process. This management must be conscious, humanistic, science-based. It demands corresponding researches using methods of social philosophy. But philosophical explication of general notion of «technology» is far from scientific and theoretical. An investigation of technology connected to creativity in management of human activities in history of its self-development makes possible to establish universal notion of «technology». This concept is intended to provide the intellectual prerequisite for gaining freedom in circumstances of total technology conditionality. When technical component of activity becomes the subject of management and then in addition to objective determination it also gets subjective determination, it becomes scientifically organized, consistently and consciously perpetrated process – technology.

Keywords: social philosophy, science, technology, management, creativity, subject, object.

Муратова І. А., кандидат філософських наук, доцент, докторант кафедри філософії, Національний технічний університет України «Київський політехнічний інститут» (Україна, Київ), i.muratova@kpi.ua

Управління – творчість – технологія: соціально-філософська експлікація

Інтенсифікація і прискорення соціальних трансформацій під дією hi-tech вимагають свідомого, гуманістичного, науково обґрунтованого управління інноваційним розвитком в пошуках нових стратегій цивілізаційного процесу, а значить, і відповідних досліджень і розробок методами соціальної філософії. Але філософське усвідомлення загального змісту поняття «технологія» це далеко від науково-теоретичного. Дослідження технології у відношенні до творчості в процесі управління діяльністю в історії саморозвитку суб'єкта дозволяє розробити загальне поняття технології, яке саме і покликане забезпечити інтелектуальні умови для здобуття свободи в обставинах тотальної технологічної обумовленості. Коли технічна сторона діяльності сама стає предметом управління, а отже, крім об'єктивної детермінації, отримує також і суб'єктивну, вона стає науково організованим, послідовно і усвідомлено здійснюваним процесом – технологією.

Ключові слова: соціальна філософія, наука, технологія, управління, творчість, суб'єкт, об'єкт.

* * *

УДК 167.7

Незабитовський Г. В.,
аспірант, Київський національний університет
ім. Т. Шевченка (Україна, Київ),
nezabitosky@gmail.com

**ОСОБЛИВОСТІ СТРАТЕГІЧНОГО МАНЕВРУВАННЯ
В НАУКОВІЙ АРГУМЕНТАЦІЇ**

Розглядається метод стратегічного маневрування як один із елементів наукової аргументації. Означується поняття риторики науки, яке уможливило нове «читання» наукового дискурсу; тобто актуалізуються ідеї герменевтики як аргументативної практики. Екстраполюються ідеї прагма-діалектики на науковий дискурс для підвищення ефективності наукової аргументації. Визначаються особливості застосування стратегічного маневрування, переваги та основні способи його використання.

Ключові слова: риторика науки, стратегічне маневрування, прагма-діалектика, наукова аргументація, науковий дискурс, евристика.

Наукова аргументація, як і аргументація будь-якого іншого поля людської діяльності, здійснюється людьми і оцінюється людьми. Власне, через риторичну науку і ідею метадискурсу можна нарешті окреслити різницю між науковим обґрунтуванням та науковою аргументацією, одночасно уможлививши саме наукову аргументацію як таку. Також означимо, що під терміном «наукова аргументація» розуміється аргументативна діяльність, направлена на спочатку обґрунтування, а потім переконання опонента у певній науковій ідеї/гіпотезі/теорії. Науковою вона називається тому, що вимагає більш строгих процедур обґрунтування та має під собою більш специфічний об'єкт аргументування. Разом з тим, тут можна використовувати і різноманітний інструментарій теорії аргументації задля підвищення ефективності аргументування. Інша справа, що увести такий інструментарій саме до наукової аргументації досить складно, зважаючи на її специфіку. У цій статті розглядаються ідеї стратегічного маневрування в науковій аргументації через призму евристики, яка дозволяє враховувати особливості і наукового дискурсу. Означимо, що для роботи із ідеями наукової аргументації спочатку важливо пояснити, чому іде мова не просто про наукове обґрунтування, але про наукову аргументацію.

Досліджуючи світову філософію із моменту її виникнення у давні часи і до сьогодення, можна справедливо означити таку думку: філософи приділяли основну увагу шляхам отримання наукового знання, пошуку способів його формулювання, підтвердження чи спростування. Але разом з тим, ідеї аналізу наукового знання як тексту набули розповсюдження лише у ХХ столітті у рамках переосмислення риторичної науки та галузі знання. З'являються напрямки досліджень, у рамках яких аналізується текстуальність, дискурсивність науки, що, в свою чергу, покращує розуміння феномену науковості, наукового мислення (Алан Дж. Грос (Alan G. Gross «The rhetoric of science»)). Такий підхід є досить незвичним, оскільки аналізувати в науковому знанні не стільки змістовну, скільки формальну, структурну, переконуючу сторону. «Врешті, наука, маючи спільне генетичне коріння з «вільними» видами творчості, риторична за самою своєю сутністю: адже вона не тільки змінює когнітивну картину світу, а й створює – приречена створювати! – супутні до цього процесу «продукти» – емоційно, естетично вражальні тексти, здатні зацікавити і переконати читача (що часто не бажає бути ані зацікавленим, ані переконаним) у цих змінах.